

Иван Аксаков

Краткая записка о странниках или бегунах

Иван Сергеевич Аксаков

Краткая записка о странниках или бегунах

«Итак, все исследования доказывают, что раскол постоянно распространяется и усиливается; что странническая секта, несмотря на строгость своих принципов, является каким-то безобразным порождением раскола и трактирной цивилизации; что – при ослаблении искреннего интереса религиозного, – приверженность раскольников к расколу нисколько не ослабевает; что, наконец, все меры, принимаемые правительством, оказываются доселе безуспешными...»

Иван Сергеевич Аксаков
Краткая записка о
странниках или бегунах

Итак, все исследования доказывают, что раскол постоянно распространяется и усиливается; что странническая секта, несмотря на строгость своих принципов, является каким-то безобразным порождением раскола и трактирной цивилизации; что – при ослаблении искреннего интереса религиозного, – приверженность раскольников к расколу несколько не ослабевает; что, наконец, все меры, принимаемые правительством, оказываются доселе безуспешными.

Действительно, покуда существовало мнение, что причины раскола лежат только в грубом невежестве народа, можно было предпологать, что, при большей образованности сектаторов, раскол сам собою исчезнет. На народ, приверженный к расколу, смотрели как на упрямого ребенка, которому нужно только подрасти, чтоб отбросить свои ребяческие заблуждения, но которому, между тем, в пору ребячества необходима и благодетельна розга.

Ребенку минуло около 200 лет, но раскол не ослабел, не уменьшился, напротив того, все глубже, все сильнее вкоренялся в жизнь

народную. Что же касается до розги, то есть до строгости правительства, то она породила в расколе, с одной стороны, мученичество, с другой – лицемерие.

Ожидали успеха от большей образованности народа. Совершилась знаменитая реформа Петра. Настежь раскрылись двери западному просвещению; вместе с академиями, школами и фабриками правительство, преследуя грубое невежество народа, заводило ассамблеи, герберги, трактиры, магистраты и ратуши – вместо земских изб; бурмистров – вместо земских старост; пол-Руси передело и обрило, пол-Руси обложило пошлиною за бороду, древние обычаи покрыло презрением и насмешками. И правительство во многом успело. Промышленные губернии могут быть по праву названы самыми просвещенными губерниями, в смысле Петра I; однако ж, несмотря на это просвещение, раскол не уничтожился, а еще более усилился, – приняв только иной вид и характер. Дело в том, что народ не просветился, а развратился, что просвещение вошло в него не тем честным и свободным путем, которым шествует истина, а

соблазном, развратом, модой, дурным примером, подражанием. Есть раскольники, обрившие бороду, надевшие фрак, но тем не менее остающиеся в среде раскола. Раскольников теперь больше, чем когда-либо, с тою разницею, что двоедушие, лицемерие, нравственная порча и гниение сменили прежнюю суровую самобытность, бывалый фанатизм веры и готовность мученичеством засвидетельствовать искренность своих убеждений.

Какие же настоящие причины раскола, и есть ли возможность остановить это нравственное разложение народного быта, которое опаснее всякого упорного, но искреннего заблуждения, всякого честного фанатизма?

Можно было бы многое сказать об отношениях обряда к догмату в истории русской церкви, о том, как высокое значение, приданное обряду в древней Руси, породило раскол; как преследование за обряд и проклятие обряда собором 1666 года только усилило сопротивление; как проклинаявшие и проклинаемые одинаково были далеки от истины, потому что слишком много дорожили обрядностью, одни предавая обряд анафеме, другие

из-за обряда разрывая единство церкви... Все это к нашему делу не относится, и мы только изложим здесь вкратце наше мнение не о причинах, породивших раскол, но о причинах, его усиливших и поддерживавших его существование, при ослаблении религиозного интереса.

Главнейшие из этих причин следующие: 1) протест против современного порядка вещей; 2) отношение церкви к государству и, по мнению раскольников, казенный характер русской церкви; 3) отвращение от церкви, внушаемое народу духовенством; 4) потребность умственной деятельности и брожение умов, не имеющих другого правильного способа к удовлетворению этой духовной потребности.

Укажем же в немногих словах, в чем состоит протест раскольников против современного гражданского порядка вещей. Раскольники говорят в одном из своих духовных стихов:

*Не могу пребыть без рыдания!..
До конца тлеет благочестие;
Процветает ныне все нечестие:
Духовный закон с кореня ссечен,
Чин священническ сребром весь*

*пленен,
Закон градской в конец истреблен.
Вместо законов водворилось беззаконие,
Лихоимцы вси грады содержат.
Немилосердые в градах первые,
На местах злые приставники!
Дух антихристов возвевя на нас...
Не могу пребыть без рыдания!..*

Предоставляю самому правительству судить – в какой степени справедливы сетования раскольников...

Далее, раскольники утверждают, что правительство со времен Петра теснит будто бы русскую жизнь, преследует будто бы русские обычаи и заводит иноземные (смотри «Цветник» Евфимия, основателя страннической секты); что правительство, с своей военною и гражданскою армиею, не знает будто бы Руси, ее духа, ее путей; меряет будто бы русский народ на иностранный аршин и применяет будто бы к народному быту учреждения и постановления немецкие, черная мудрость не из родного, самобытного источника, а из мутного и нечистого источника Западной Европы.

Они говорят, что не узнают своих братии в сословии дворянском и вообще в сословии так называемом образованном, не потому только, что дворяне крестятся «щепотью», но по различию быта и стремлений. Печать антихристовая, как объясняет Евфимий, а за ним и ученик его Никита Семенов, печать антихристовая, «сияющая на слугах антихристовых», не значит щепоть, или крыж, или трегубая аллилуйя, но житие, согласное с мыслью Антихриста, но подчинение ему, как Христу, но издание и исполнение, во имя Христа, законов в духе Антихриста. Печать антихристовая, говорят они, значит презрение к вере, при всем наружном к ней уважении, порабощение церкви, пренебрежение к мнению народному, измена древним началам русской жизни (смотри «Цветник» Евфимия и сочинения Никиты Семенова). Поэтому Евфимий даже и старообрядцев прочих сект называет слугами Антихриста за то, что они, хотя и хранят старые обряды, признают однако же покровительство земной власти, то есть власти Антихриста. Впрочем и раскольники других бесповщинских толков думают почти так же, не

доводя только своего учения до того крайнего выражения, до которого оно дошло у «странников».

Итак, вот что говорят раскольники. Если же мы сами обратимся к временам Петра I и добросовестно рассмотрим и обсудим его законы, его нововведения и вообще совершенное им дело, то протест раскольников покажется нам, если и не во всем справедливым, зато естественным и понятным. Почему же только в раскольниках, а не во всем народе возник подобный протест? На это отвечать не трудно. Изменение старых обрядов, произведенное Никоном, держало, так сказать, внимание раскольников на стороне; самая привязанность их к обряду и обычаю должна была возбудить их опасения во времена петровских преобразований, в сильнейшей степени против остального народа, который не вдруг заметил и сознал, что его ведут другим путем и к другой цели. Но именно этим-то постепенным сознанием и объясняется теперь постоянное возрастание числа раскольников, тогда как самые причины, породившие раскол, излишнее уважение к обряду и вообще интерес

отвлеченно религиозный с каждым годом слабеют.

Недовольный порядком вещей, раскольник на захотел опереться на собственное личное чувство, которому так слепо поддается народ на Западе. Только тогда решился он протестовать, когда нашел оправдание своему протесту в религии. Вглядевшись в тогдашний порядок вещей, он ужаснулся; он подумал, что видит пред собою царство Антихристово и, с помощью некоторого невежества, искренно утвердился в этом предположении (см. «Цветник» Евфимия и сочинения Никиты Семенова). Напрасно стали бы мы, дворяне, чиновники и духовные, разубеждать его в противном. Всякий крестьянин, всякий, не разорвавший с народом связи, единства жизни и духа, — имеет в глазах народа в тысячу раз более авторитета, чем самый благонамеренный проповедник из образованного сословия. Народ видит в нас, особенно в чиновниках, слуг антихристовых...

Теперь взглянем на отношения раскола к церкви и духовенству. Не имея достоверности к чиновнику, раскольник не внемлет и пра-

вославному священнику, видя в нем того же антихристового слугу, точно такого же казенного чиновника и льстеца земной власти, только в рясе. «Так называемая православная вера, – говорил нам один раскольник (очень начитанный и даровитый крестьянин деревни Исакова, Ярославского уезда, Яков Батыев, ныне умерший), – есть вера казенная, гражданская, не на живом, искреннем убеждении основанная, а служащая одним из орудий правительству для поддержания порядка...»

К числу упреков, делаемых раскольниками православной церкви, относятся между прочим следующие:

Они называют синод не поместным собором, а присутственным местом с канцелярией, устроенной на немецкий образец, местом, которым управляет власть светская; они оскорбляются тем, что наши архиереи подписываются «кавалерами», и утверждают, что к ним правильнее было бы обращаться с титулом «превосходительства», нежели преосвященства; они указывают на то, что епископы поставляются по царскому указу, а не по избранию духовного собора; что епископы у нас

чиновники, а не пастыри и стараются об угождении больше земной власти, нежели Богу.

Не входя в подробный разбор всех, взводимых раскольниками на церковь обвинений, я по совести должен сказать, что, если кто знаком с нашим сельским духовенством, тот не удивится, почему многие из членов этого духовенства внушают народу такое сильное к себе отвращение. Пословицы народные также это объясняют; «Поп дерет и с живого, и с мертвого», «поповские глаза завидущи, поповские руки загребущи», говорят пословицы. Корыстолюбие, пьянство, совершенное неуважение к собственному сану, полнейшее равнодушие к вере, изумительное невежество во всем, что касается раскола, грубое пренебрежение к мужику – вот что, к сожалению, довольно часто встречается в сословии сельского духовенства. Разумеется, есть исключения, и очень видные, но все же они редки и, главное, редко попадают именно там, где бы они были нужны, то есть в местах, зараженных расколом.

Я посылал иногда раскольников более умеренных, чем другие, слушать проповеди в

сельских и городских церквах некоторых уездов Ярославской и Костромской губерний. «Как будто не свое говорит», – отзывались они о проповеднике, выслушав проповедь. Они находили в православных проповедях не живое слово убеждения и любви, но мертвое витийство, приправленное риторическими украшениями; «будто гроб повапленный», – прибавляли они.

В Ярославской губернии, по моему расчету, православных только 4-я часть народонаселения, несмотря на то, что по официальным документам раскольников считается только 12 тыс. Явных раскольников не так много, хотя и гораздо больше 12 тысяч. Знаменитый рассадник и притон страннической секты, село Сопелки, по официальным спискам значится православным. Чрезвычайно многочисленны тайные раскольники-лицемеры: из них некоторые, из уважения к их богатству, приглашены епархиальным начальством к исправлению должностей церковных старост в православных соборах, хотя никогда не исповедываются и не причащаются в православной церкви, строго придерживаются рас-

кола и скрытно, богатством и влиянием своим, поддерживают раскол в народе. Затем есть еще значительное число жителей, еще не вступивших ни в какую особенную секту, но отвращающихся от православия. Эти последние, хотя, как сказано, и не принадлежат совершенно к расколу, однако не ходят в церковь и не принимают причастия в православной церкви; некоторые из них только исповедуются, некоторые и этого не делают; другие же прибегают иногда к исповеди и к причастию, но только в случаях опасной болезни и в страхе смерти.

По справкам, наведенным следственною комиссиею еще в 1850 году, в 14 приходах 1-го стана Ярославского уезда, из 17930 прихожан, бывших у исповеди и у Св. причастия, считалось только 4300, бывающих у одной исповеди 1180; остальные же не бывают ни у причастия, ни у исповеди. Когда, при производстве следствия в Ярославском уезде, я в первый раз узнал, что крестьяне, называя себя православными, уклоняются от причастия, и недоумевал, какие тому причины, – тогда один из них (крестьянин деревни Исакова, недавно

перешедший в филипповское согласие) объяснил мне, что это все «колеблющиеся», из которых с каждым годом немало лиц отпадает в какую-нибудь раскольническую секту; что он сам долго был из числа этих колеблющихся, или – лучше сказать – равнодушных к православной церкви. На вопрос мой, отчего же происходит это равнодушие? – он чистосердечно отвечал: «От того, батюшка, что попы ваши стали народу уже чересчур не любы». Этот ответ даже подписан им и находится в подлинном деле.

Священники охотнее выбирают те приходы, где много раскольников, ибо раскольники платят щедро за то, чтоб они не преследовали их и записывали православными. Мне чистосердечно сознавались в этом сами священники; да и в подлинном деле можно найти много несомненных тому доказательств. Священники сельские знакомы с расколом гораздо менее всякого чиновника Министерства внутренних дел, имевшего дело с раскольниками. Не говоря уже о том, что всякий начитанный раскольник загоняет в споре любого сельского священника, часто невежество по-

следнего (относительно истории и оттенков различных сект) лишает его возможности следить и изучать раскол на месте. Это происходит частью оттого, что все богатство материалов для изучения раскола в России сосредоточено в Министерстве внутренних дел, где дела о расколе производятся «секретно», «весьма секретно» и «совершенно секретно» и недоступны ни для ученого, ни для действующего духовного сословия.

Я сказал также, что в возникновении новых сект, в расширении пределов раскола участвует потребность умственной деятельности. Действительно, дичась просвещения, проповедуемого правительством, или вовсе лишенные возможности просвещаться свободно и безбоязненно, крестьяне, одаренные духовными талантами и жаждущие приложить свои силы к трудам умственным, при недоверии к обществу, правительству и духовенству, большею частою обращаются в раскол, представляющий им обширное поле для деятельности. Они покидают места своего жительства и бегут к раскольникам, в леса и пустыни, где находят особого рода общества

людей ученых, то есть начитанных, обширные библиотеки, читателей, издателей, переписчиков и все пособия для свободного общения мысли и слова.

Один молодой, даровитый раскольник, дворовый человек, бежавший от помещика своего в Пошехонские леса, но впоследствии пойманный полициею, отвечал на вопросы о причинах побега почти теми же словами, какими говорит раскольническая песня:

*Душа своей пищи дожидается,
Душе надо жажду утолити,
Потщися душу свою гладну не
оставити.*

Так почти говорил и он, и никак не хотел верить словам чиновников земской полиции, что у него не просто душа, а душа крепостная и ревизская, которой по закону никакой духовной пищи и свободного просвещения не полагается.

Какие же последствия такого положения дел?

Многие возражают, что разврат, сильно распространенный между раскольниками беспоповщинских сект, постепенная уступка

соблазнам и выгоды житейские ослабляют силу раскола, как протеста. Это мнение справедливо, но мы уже представили доказательства, что, несмотря ни на разврат, ни на равнодушие к вопросам религиозным, число раскольников усиливается с каждым годом. Соблазн и разврат, с некоторым просвещением, действительно делают их равнодушными к вопросам о двухперстном или трехперстном сложении, о бороде и платье, – но это равнодушие не приводит их к соединению с православною церковью. Напротив того, расставшись с прежними верованиями и постоянно чуждаясь церкви сколько по привычке, столько же и потому, что духовенство не внушает им никакого к ней уважения, они становятся просто неверующими, сохраняя однако тот же союз между собою, те же отношения к правительству. Впрочем, примеры разврата, встречающиеся между раскольниками, не всегда доказывают неискренность их религиозных убеждений. Были случаи, что известные своим распутным поведением раскольники, при преследованиях правительства, делались ожесточенными и строгими фанати-

ками. Раскольник страннической секты Деметрий Петров, проводивший жизнь, хотя и в бегах, однако довольно изнеженно и распутно, виновный даже в убийстве одного из сектаторов, будучи взят под стражу, решился оправдать себя во мнении своих собратий твердыми ответами перед судилищем антихристовым и, отвергая всякую пищу, довел себя до чахотки и умер. Другой раскольник, наставник секты Мокей Федоров, уже старик, взятый в кабаке с любовницею своею, странницею же, беглой крестьянкой, на допросе перед следователем также явил пример необыкновенной твердости в ответах.

Впрочем, если раскол исчезнет, породив в наследство себе – неверие, двоедушие, лицемерие, разврат и корысть, с отвращением к церкви и с недоверием к обществу и правительству, – выгоднее ли будет это для России? Можно ли будет тогда торжествовать одержанную над расколом победу?

Легко управлять стадом баранов, можно управлять обществом существ разумных, трудно и опасно управлять существами разумными, низведенными неверием и развра-

том на степень животных: ибо человек, не просвещенный никаким верованием, не обузданный никаким нравственным чувством, хуже и опаснее скота, руководимого по крайней мере инстинктом.

Какие же меры могут быть приняты против такого страшного зла? Рассмотрим сначала меры, предпринимаемые доселе правительством, то есть меры строгости, основанные на судебных решениях, меры полицейские, меры духовные, то есть приводимые в исполнение духовенством.

Я уже говорил, что строгость правительства породила в расколе, с одной стороны, фанатизм, с другой – лицемерие, подкупы и усиление доходов земской полиции и сельского духовенства.

«Церковь гонимая!». Как привлекательно это слово для раскольника, сколько исторических, отрадных воспоминаний пробуждает оно в душе каждого верующего христианина! «Быть в гонении, в страхе, в скрывании» – вот чем можно спастись «в настатие Антихриста», проповедует странническое учение, – и, буквально следуя этим внушениям, многие

сектаторы живут «под прикрытием» в своем собственном доме. Их никто не гонит – они сами сочиняют себе гонение. Я знаю многих страниц, дочерей довольно зажиточных, оброчных крестьян, о которых нарочно подавались объявления, что они в бегах, следовательно, подлежат преследованию правительства; между тем они оставались дома, скрываясь в тайниках родительских изб и находя для себя отраду сколько в исключении себя из общества антихристовых граждан, столько же в «стеснении, скрытии и гонении», когда никто еще тогда их не гнал и не преследовал! Впрочем, распространяться о том, что строгость в деле религиозных убеждений родит мучеников и фанатиков, я считаю излишним: это истина давно доказанная и признанная всеми.

Торгаши и промышленники Ярославской и смежных с нею губерний не очень расположены к мученичеству и фанатизму. Зато нигде нет столько разврата и двоедушия.

В предыдущих отделах объяснено уже, что большая часть жителей придерживается раскола тайно: крестя младенца в православной церкви, они потом перекрещивают его вновь

по раскольничьему обряду или читают над ним «чин от ереси приходящих», тщательно смывая св. миро; они венчаются в православной церкви с тем, чтобы потом выдержать строгую эпитимию. Мне рассказывал ярославский преосвященный, что однажды, приехавши в город Романово-Борисоглебск, остановился он в доме соборного церковного старосты, богатого купца, и был очень удивлен, когда ночью, услышав над своей головой чтение и доискиваясь причины, попал в горницу, где находилась раскольничья моленная и где какой-то раскольничий большак или наставник, по приглашению хозяина, совершал богослужение и «вычитывал из дому архиерейскую благодать!». Многие православные купцы с прискорбием указывали мне на то, что соборы большею частью заведываются старостами из тайных раскольников, которые удобно могут подменить образа и даже денежную казну употребить в пользу раскола. Нет сомнения, что подобное двоедушие дает новую силу расколу, доставляя ему таким способом связи и покровительство, и что примеры богатых лицемеров только возвращают

нравы простых и бедных раскольников, отчего и самый раскол становится вреднее и опаснее.

Что же касается до земской полиции, то раскол для нее – источник незаконных доходов. Я по долгу службы обнаружил имена пристанодержателей беглых (или странноприимцев) в разных губерниях, но уверен в то же время, что сведения эти ни к чему не послужат. Правительство не может учредить надзора за ними иначе как чрез земскую полицию, а это значит отдать их во власть становым приставам и открыть для них и для земских судов постоянную, благонадежную золотую руду.

Об отношениях духовенства к раскольникам было уже изложено выше. Мера, предписанная законом, – отсылать раскольников на увещание в духовную консисторию – никогда не приносила никакой пользы. Меня убеждали в этом же некоторые архиереи, предлагавшие даже вовсе отменить эту меру и преследовать раскол полицейским, судебным порядком. При взаимном презрении раскольника и увещателя, духовного лица, они только

оскорбляют друг друга в спорах, или же раскольник покупает за деньги у увещателя свободу, дав подписку, что обращается будто бы к православию.

Сосланные на Кавказ и Сибирь или вновь бежали, или были выпущены на свободу подкупленными чиновниками, или же внесли учение свое и распространили его в сильной степени в местах их ссылки; освобожденные же, по случаю обращения их к православию, продолжали быть самыми ревностными проповедниками раскола, только более скрытными.

В числе беглых сектаторов попадались и такие, которые были сосланы в Сибирь или же отданы в солдаты за упорство в расколе, но, несмотря на то, успели возвратиться вновь к месту прежней своей деятельности. Странническое учение принесено было в Сибирь сосланными туда раскольниками и нашло там много приверженцев, которые состояли и состоят в постоянных сношениях с ярославскими. Мало того, везде по пути следования ссыльных в Сибирь, образовались пристани сектаторов, или «места», как они назы-

вают. В Нерехотском уезде, в селе Серееде, в 1852 году, у одной мещанки-раскольницы Федосеевского толка найдена переписка с раскольниками Москвы, Сибири и Грузии. Родственник ее, сосланный в Сибирь за делание фальшивой монеты, прислал ей оттуда деньги для ссуды поступающим из православия в раскол.

Кому неизвестно, что самые значительные капиталисты в купеческом сословии принадлежат к раскольническим толкам. Суммы, жертвуемые ими в пользу раскола, неисчислимо огромны. Но кроме этого, даже у беглых, «нищенствующих» сектаторов страннического согласия были находимы довольно значительные для них суммы денег. Так, у одного 75-летнего старика, простого, лет уже 30 бродившего крестьянина, оказалось до 300 руб. сер. зашитыми в шубе, да и все они были более или менее с деньгами.

Все это доказывает, как бессильны меры, принимаемые правительством против раскола, ибо, кроме нравственного значения, раскол имеет в руках своих силу денежную, которая одна, если б не было даже других при-

чин, могла бы сделать бесполезными все старания правительства.

Итак, обязанный высказать по совести свое убеждение, – я должен сознаться, что не вижу никаких мер, которые, при настоящем порядке вещей, могли бы ослабить значение раскола, как протеста, ибо протест подобного рода может быть уничтожен только отнятием повода к протесту.

Впрочем, вот некоторые меры, которые, по мнению моему, были бы не бесполезны.

1) Специальное образование священников для мест, зараженных расколом. Необходимо предоставить им возможность познакомиться со всею богословскою раскольничьею литературою и узнать, так сказать, все ходы и выходы, употребляемые раскольничьею диалектикой. Но, конечно, и эти миссионеры, если не внушат к себе любви и уважения со стороны самих сектаторов и не будут действовать в духе кротости, не принесут пользы.

2) Для того чтоб доставить всем способы к изучению раскола, необходимо привести в порядок все имеющиеся в Министерстве раскольнические документы, книги и рукописи,

составить из них особую библиотеку и сделать ее доступною всякому желающему заняться этим изучением.

3) Позволить печатно всем и каждому, как православному, так и раскольнику, писать и рассуждать о расколе. Раскольники говорили мне не раз, что они лишены возможности оправдываться печатно, а потому и сами не хотят читать книги, напечатанные против раскола по распоряжению синода. К тому же эти книги писаны официальной властью и в тоне официальном, тоне учительном и несколько презрительном, не допускающем возражений. «Бой не равен, – говорил при мне православным крестьянин-раскольник, ныне умерший, Яков Батыев, – бой не равен: с одной стороны вы свою истину подкрепляете плетьюми и Сибирью, с другой – у вас под рукою все средства, все пособия, все книги и библиотеки и печатное слово. Мы же лишены этих средств, а если и захотим искать их, или не согласимся с вами в спорах, то вы прибегнете к убеждениям полицейским... А потому ни спора, ни разговора между нами быть не может, и мы сомневаемся, чтоб вы были в ис-

тине, ибо истина не боится свободы, не нуждается в защите грубой силы, не лишает противников возможности возражать ей и убеждаться в ней свободно и самостоятельно».

Кроме этого, я убежден, что если б позволено было напечатать историю иной раскольнической секты, сектаторы сами бы устыдились общественного о себе мнения, – и в этом одном было бы гораздо больше пользы, чем в ссылке целой сотни сектаторов в Сибирь или Закавказский край, где ссыльные проповедью своею заражают новые места и готовят новые рассадники раскола для России.